

С.В. Чешко

НОВЫЕ И НЕПРИЗНАННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ*

Одна из главных трудностей в проведении и обработке результатов переписей населения во всех странах мира – фиксация этнических общностей (там, где это фиксируется). Особые сложности эта проблема доставляла организаторам и разработчикам переписей в СССР в силу политизации так называемого «национального вопроса».

Не следует сводить проблему к колебаниям советского политического режима между ассимиляцией и, как бы мы сегодня сказали, этническим плюрализмом. Тотальная ассимиляторская политика никогда и не проводилась. Можно говорить о некоторых элементах такой политики; например, в 1938 году в школах было свернуто обучение на языках «нетитульных» народов союзных республик. Суть дела заключалась в том, что этническая структура общества оказалась во многом сопряжена с государственно-политической и административно-территориальной структурами, этничность была политизирована. Государственная система – «советский федерализм» – включала национально-территориальные образования различных уровней и в дальнейшем диктовала свои правила игры. Она обуславливала признание или непризнание того или иного народа, что зачастую было связано с существовавшей у Сталина идеей «упрощения» этнического состава советского общества.

Не менее важной – уже для ученых – была проблема определения методологических принципов фиксации этнического состава населения. Но все этнические «коллизии» послевоенных переписей сводились, по сути, только к тому, чтобы заранее составить список народов, которые будут присутствовать в итоговых материалах. Хотя со временем было признано, что критерием национальной (этнической) принадлежности может считаться только личное самоопределение граждан, все виды этнической самоидентификации должны были быть втиснутыми в такие списки. Задача этнологов состояла только в том, чтобы составить «научно обоснованный» перечень этнонимов, которые переписчики должны внести в переписные листы.

В годы перестройки и после распада СССР, казалось, должно было произойти «раскрепощение» этничности, освобождение ее от бюрократических пут огосударствления.

* Опубликовано: Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Под ред. Елены Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. С. 33-38.

Однако произошло прямо противоположное: усиление политизации этничности. Это и неудивительно: постсоветская Россия сохранила главный порок советской государственной системы – политическое статуирование этносов. Такая преемственность объясняется не только устойчивостью идеологических стереотипов в «национальном вопросе», созданных в советское время, но и тем, что они послужили основой и для разрушения СССР, и для «парада внутренних суверенитетов» в самой России. В 1990-е годы начался лавинообразный процесс, так сказать, *этнического грюндерства*, когда стали возникать национальные движения и организации, требующие *официального* признания соответствующих групп населения в качестве самостоятельных этносов. В одних случаях это были «забытые» народы, исчезнувшие из переписей населения, в других – общности, которые никогда прежде не определялись как отдельные народы, да и не претендовали на это. Наконец, встречаются случаи довольно экзотические, как, например, создание болгарских общин, требующих признать *булгар* в качестве существующего и самостоятельного народа, включить его в переписные списки. Одна из болгарских организаций даже требовала отменить этноним «татары» и записать всех татар в болгары.

Еще более усложнило ситуацию принятие закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», а к нему «Единого перечня коренных малочисленных народов». Этот закон дал новый стимул этническому «возрождению», существенно пополнил очередь на попадание в число суверенных субъектов многонационального российского народа.

Такие явления зачастую обусловлены целью получить какой-то статус, а вместе с ним – политические и экономические выгоды. Игрет роль и просто желание людей считать себя частью самостоятельного, уникального и, конечно, древнего народа – чем древней, тем лучше, причудливые претензии на историческое родство с шумерами, хеттами, этрусками и др. имеют вполне рациональное зерно в рамках нерациональной, искаженной системы «национально-государственного устройства» РФ, унаследованной от СССР: если мой народ существует много веков или тысячелетий – значит, он имеет особые, преимущественные права по сравнению с соседними народами, в том числе исключительное право на собственную «этническую территорию».

В таких условиях ученые зачастую оказываются как бы между жерновами разных, диаметрально противоположных требований, не будучи в состоянии предложить решения, которые не вызвали бы ничьих протестов. Включить или не включить тот или иной народ в какой-либо список – значит наверняка вызвать обвинения в подрывной деятельности против большего этноса или, наоборот, в шовинизме и нарушении прав этноса-претендента на самостоятельность.

Придерживаться пресловутого принципа научной объективности оказывается нереальным. Во-первых, ученые никогда не будут абсолютно «объективны», поскольку они в большей или меньшей степени подвержены влиянию общественного мнения, идеологическим пристрастиям, зависимы от властей. Во-вторых, научная объективность – это вообще абстракция, по крайней мере, в гуманитарных науках по причине их неточности и решающей роли индивидуальности самого исследователя. «Объективность» чаще всего означает не строгую доказательность, а некий консенсус большинства по поводу тех или иных выводов и концепций. И такой объективности становится тем меньше, чем больший идеологический и методологический плюрализм приобретает наука, что и произошло в последние годы с отечественной этнологией.

Если оставить в стороне вненаучные факторы, влияющие на определение номенклатуры этнических общностей, то на первый план выйдут сугубо теоретические проблемы, главная из которых – критерии идентификации этнических общностей. Ни одна из существующих классификаций, принятых в этнологии (лингвистическая, расовая, конфессиональная, историко-культурная), не является собственно этнической. Все они отражают лишь отдельные характеристики человеческих общностей, но отнюдь не то, что можно назвать сутью этнического.

Комплексно-онтологический подход, содержащийся, например, в качественной «теории этноса», имеет значение для процесса познания природы, развития, взаимодействия этнических образований. Однако он не может дать четкого ответа на вопрос о том, когда перед нами *этнос*, а когда - *субэтническая* или вообще *неэтническая* группа. Даже базовый признак, принятый этнологами при классификации народов, – язык – на поверку оказывается далеко не бесспорным, так как разделение на языки, диалекты и говоры – это тоже результат *консенсусной типологизации*, не говоря уже о том, что этническая общность и язык не всегда совпадают.

Слабость «традиционалистского» подхода к фиксации этнических общностей заключается и в его антиисторичности, хотя такое утверждение может показаться странным тем этнологам, которые работают в русле этого подхода и убеждены в том, что именно они, воспитанные в духе классической советской этнографии, являются носителями принципов исторического исследования этноса. В дискуссиях обнаруживается, что приверженность историзму сводится главным образом к преимущественному изучению прошлого этносов. Очевидно, однако, что главный признак историзма должен состоять в исследовании предмета в его развитии и признании всех этапов развития (включая и современный) одинаково значимыми.

Отмеченный антиисторизм выражается, в частности, в довольно схоластическом толковании истории развития этносов. Ее принято разделять на этногенез, этническую историю и все остальное, т.е. подразумевается существование этноса в, так сказать, сформировавшемся состоянии. Иными словами, этнос складывается, «развивается», а затем «просто существует». Не говоря уже о том, что такие представления вступают в явное противоречие с диалектической методологией, практически невозможно найти сколь-нибудь строгие критерии, определяющие границы между этими фазами. Диалектики в этой строгости здесь не больше, чем в известной теории развития этноса Л.Н. Гумилева. Показательно, кстати, что когда дело доходит до «этнической истории», то пишут о чем угодно: об истории политической, развитии экономики и социальных отношений, культуры – кроме нее самой, потому что никто точно не знает, что такое «этническая» история.

Вывод для этнологической теории из таких психолого-методологических установок – это то, что в наше время никаких новых «этногенезов» быть не может, хотя теория такой возможности и не отрицает. Почему, собственно, в современном мире не может происходить того, что в отечественной теории называется «этногенетическими», «этнотрансформационными» процессами? Разве история остановилась в своем движении?

То, что я называю (для простоты) «этническим грюндерством», этнологами обычно не воспринимается всерьез. Спрашивается, почему? Разве мы достоверно знаем, как «конструировались» в далеком прошлом *этносы*? Или это не были *этносы* в современном понимании, если у них не было завершающего признака в виде этнического знания? Или то самосознание было качественно каким-то иным, нежели в наших теориях? А если подоплекой этнического самосознания и его «легитимизации» учеными должна быть специфическая *этническая культура*, то как можно выбраться из теоретических дебрей, связанных с этим понятием, особенно в условиях современных глобальных, цивилизационных, региональных и локальных тенденций этнокультурной интеграции и прочих «этнообъединительных процессов»? Почему, в принципе, надо смеяться над попытками учредить болгарский или какой-то другой *неоэтнос*? Может быть, лучше подождать и посмотреть, обнаружится ли он в последующих двух-трех переписях населения? Не исключено, что появившиеся в последней Всероссийской переписи «хоббиты» со временем сложатся в устойчивую космополитическую общность со всеми критиками этноса. Интернетчики – программисты и хакеры – похоже, уже на пути к этому.

Ни прежняя бюрократическая процедура, основанная на «традиционалистской» теории, ни новейшие концептуальные построения не позволяют в должной мере отразить этническую структуру российского общества и динамику ее развития. В качестве

единственного и универсального критерия может выступать только собственная этническая самоидентификация людей. Разумеется, это очень субъективный показатель, но такая субъективность все же лучше, чем навязанная государством с помощью ученых или идеологов национальных движений.

Опасения, связанные с переходом к *этнонимическому* принципу вроде бы получают дополнительное основание в связи с усилившейся политизацией этничности и тем самым «этническим грюндерством». Однако если задуматься, такой подход оказывается наиболее нейтральным с точки зрения этнологической теории, поскольку он не противоречит никаким конкурирующим концепциям. Он наиболее инструментален с точки зрения практических нужд государства, включая цели переписи населения, так как позволяет отразить все многообразие этнической мозаики населения страны. Он, наконец, наиболее компромиссный с идеологической точки зрения, потому что избавляет государство и ученых от необходимости заранее и однозначно ответить на вопрос, существует или не существует та или иная этническая общность. Ответ должен содержаться в материалах переписи населения. Рискну предположить, с большой вероятностью вызвать резкую критику, что *этнонимическое самосознание* может оказаться единственным *объективным и надежным* критерием фиксации этнических общностей.

При этом следует выполнить два очень важных условия.

Первое. Следует признать тупиковой задачу выяснения числа и номенклатуры *народов* посредством переписи. Задача должна состоять в выяснении всего многообразия этнических идентичностей и их иерархии – в этом я полностью согласен с В.А. Тишковым, С.В. Соколовским и другими коллегами. Тупиковость заключается еще и в том, что представление о народах-этнусах как о *реальных общностях* неадекватно действительности, и этнологи должны это понимать лучше других.

Второе. Надо уже сейчас активно разъяснять общественности, что перепись – это лишь акт статистического учета этнических предпочтений граждан, а не наделение народов какими-то официальными статусами. Государство вообще не имеет права признавать или не признавать существование тех или иных народов.

Об авторе:

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, заведующий Центром междисциплинарных исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук.